

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

Предложение совершить утренний променад в обществе Иосифа Кобзона не каждый день поступает, прямо скажем. Сейчас, накануне 65-летнего юбилея, певец страшно занят, и возможность поговорить одна-единственная — в пути. Ровно в десять его серебристое “ландо” с федеральным номером забирает меня у подъезда, соседки в шоке.

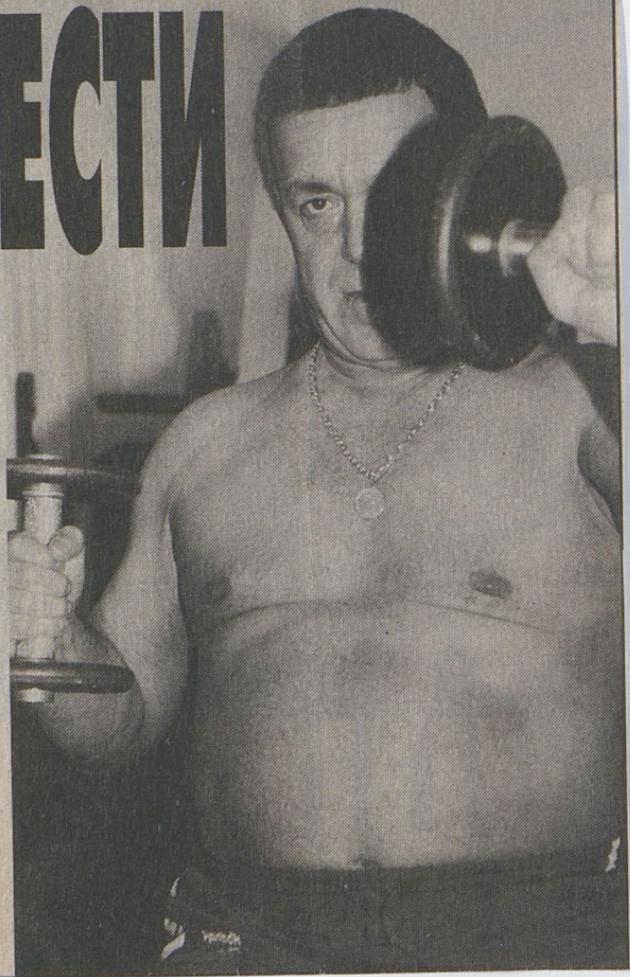
Через 15 минут машина уже возле дома Кобзона. Ждем артиста. Нам предстоит ответственная поездка в Одинцово, на открытие детского дома Валентины Александровны и Пал Палыча Бородиных. Уже погружен в багажник парадный костюм в чехле... (Потрясающая деталь: Иосиф Давыдович всегда возит с собой второй костюм, если собирается выступать. И в концертной одежде никогда не позволит себе присесть — только стоит. Он считает, что на сцене все должно быть безупречно. Никаких мятых складок на брюках!) Но Иосиф Давыдович немного задерживается, и меня любезно приглашают подняться наверх, на чашку кофе.

Читайте 6-ю стр.

РЕЙТЕР

Иосиф КОБЗОН:
“Неужели я
такой крутой?..”

ПЕРСОНА ГРАТА

Иосиф КОБЗОН:
"Неужели я такой крутой?!"

Завтрак в доме Кобзона начинается с обсуждения семейной проблемы: дочка Наташа подверглась гнусному теракту со стороны неизвестных злоумышленников.

— У Наташи муж — австралиец, они взрослые люди и могут жить и работать в любой стране. Но они решили открыть небольшой бизнес здесь, в Москве. Он связан с бельгийским шоколадом и теплыми вафлями. Вафли так вафли. Мне неважно, чем они занимаются; для меня главное, что они остались в России, что внуки растут рядом. Но представляете — кому-то неймется. Недавно один из их ларьков в центре города облили вонючей жидкостью с запахом тухлых яиц. Вон такая, что покупатели стороной обходят. Они отмывали все это сутки со слезами на глазах. Но запах все равно остался. Думаю, им даже придется менять точку.

— И вы не собираетесь вмешиваться?

— Я сказал, чтобы они обязательно подали заявление в милицию. Уверен, что это происки кого-то из соседей-конкурентов, таких же бизнесменов мелкого масштаба. А как еще я могу вмешаться? Приходить и бить физиономии? Думаю, что пресекать подобные вещи — дело правоохранительных органов. Обидно просто: один раз такое случится, второй, а потом надейся — пропади все пропадом, в этой стране ничем нельзя заниматься.

— Вам не кажется, что достаточно распространить информацию, что ларек принадлежит дочери Кобзона, и все конкуренты испарятся? Кто-то — из уважения к имени, а большинство просто испугается. Вас же многие считают крутым мафиози.

— Да уж, слишком многие так считают! Как раз по этому поводу я на днях общался со своим адвокатом. В Болонье вышла статья федерального прокурора Манхэттена, в которой обвиняются порядка 50—70 человек, в том числе и я. Что удивительно, когда в 94-м году меня пытались скомпрометировать, писали, что в Америке существует преступная группировка, которую возглавляет Анзор Кикалишвили, а заместителем его является известный певец Иосиф Кобзон. Я был очень возмущен и говорил: "Анзор, почему я у тебя заместитель?" Он плечами пожимал: "Иосиф, надо у них спросить". Теперь все наоборот: группировку возглавляет Кобзон, а заместителем его является Анзор. Я шушу: "Ну хоть теперь все встало на свои места".

— Я смотрю, вы довольно благодушно настроены...

— На самом деле мне, разумеется, не до шуток, я собираюсь судиться. Недавно в Литве было еще одно сообщение в газете: меня назвали владельцем какого-то банка, который отмывает деньги. Пишут о моих связях с этим банком и с неким господином Гликлядом. А я в Литве не был пять лет. Понятия не имею, что это за банк, и никаких связей с господином Гликлядом у меня нет. До того как пришел в Государственную думу, я работал в организации "Московит" вместе с ним, но с тех пор я его даже не видел. Но пишу же, пишу. Кому-то, значит, нужно? Я задаю себе вопрос — кому? И не могу найти ответ.

— А что вы скажете по поводу слухов о том, что вам принадлежит "Военторг" в Москве и вы якобы никак его продать не можете?

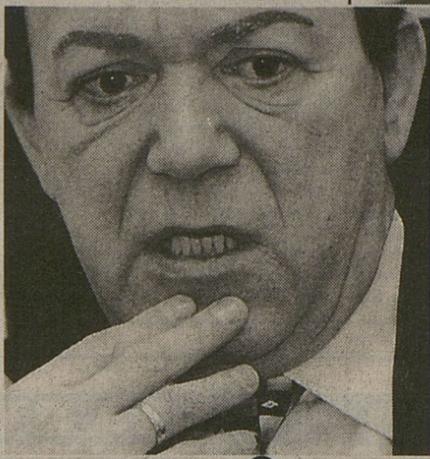
— Слухов обо мне много: мне принадлежат супермаркеты, гостиницы... В общем, половина Москвы мне принадлежит. И все уже привыкли к этой чуши. Когда я имел честь беседовать с президентом, то спросил: "Владимир Владимирович, когда кто-то из руководства сможет защитить меня от грязи?" Он ответил: "Иосиф Давыдович, а вы проверьте свой бизнес". Я изумился: "Ну вы-то знаете, что у меня бизнеса нет как у депутата. И быть не может!" А он: "Ну все-таки проверьте". Значит, даже президенту дают ложную информацию. Конечно, ему недосуг отложить государственные дела, чтоб проверить — торгует Кобзон яйцами или нет? Но почему не сказать подчиненным: "Проверьте немедленно и доложите. Человек 45 лет пахнет на государство. Если есть за что — его надо наказывать, если нет — защищать надо таких людей". Но недосуг, времени нет. Ну ладно, я пережил уже многих царей. Это у меня девятый, начиная со Сталина, перед которым я выступал в 48-м году.

— Страшно было?

— Представьте: вы — православный человек. Вам не страшно будет встретиться с Богом? Для нас тогда идеология была одна, партия одна. И бог один — Сталин. Вчера ваш коллега меня пытал: "Как можно было петь песни о Ворошилове, о Буденном?" А как же не петь? Они были народными героями. Народ их воспевал. А сейчас заставте народ петь песни о президенте. Я хочу посмотреть, как народ будет петь! Сейчас идеологию почему-то подменили религией. Конечно, замечательно, что каждый человек может прийти в храм, и необязательно в православный. Хотя я лично приверженец православного храма...

— Как же так? Братья-евреи на вас не обижаются?

— Они не могут на меня обижаться: я глубоко уважаю

ЧЕСТИ

веру, но я неверующий человек. То есть я со светской точки зрения сужу и больше люблю убранство и хор православного храма. Я пел и пою в синагоге, но крайне редко. Мне там все же меньше нравится: шумно и порядки какие-то странные — женщины наверху, мужчины внизу. Меньше всего мне по душе мусульманские мечети. Зато очень близки буддийские храмы — дацаны, которые я возрождаю в Бурятии. Здесь, в Москве, тоже скоро будут строить буддийский храм.

— Вы еще и детские дома, я знаю, содержите. Приятно ощущать себя покровителем?

— А вы приезжайте и посмотрите. Один детский дом в Ясной Поляне, второй в Туле. 19 лет тому назад я был на гастролях в Туле, ко мне пришли ребята из яснополянского детского дома, пригласили в гости. Днем, когда не было концерта, я поехал. Не знаю, какие флюиды пробежали между нами, но я навсегда остался верен этому детскому дому.

— Ваше участие ограничивается финансовыми вливаниями?

— Нет. Детям важнее всего не материальная помощь, а участие, они должны видеть, что их любят. Во-первых, я привлек многих своих друзей. Стари Витальевич Квантришвили, царство ему небесное, привозил туда спортивный инвентарь. Шевалье Нусуев — компьютеры. Брат его — кондитерские изделия. Мои американские друзья — оборудование в швейный цех. Плюс медицинское обслуживание, новогодние подарки — все то, что должно делать государство, но не делает. Ведь до бесстыдства доходило: в областном управлении народного образования, к которому относится по бюджету детский дом, говорили: "У вас есть шефы, они вам дают деньги. Почему мы вам еще платить должны?" Одно время у них и территорию хотели забрать: директор яснополянского музейного комплекса, правнук Льва Толстого, считал, что дети мешают туристам. Впоследствии он оказался замечательным человеком. Мы нашли общий язык, теперь у них чудные отношения. Ведь в русской культуре есть целый литературный пласт — Толстой и дети.

— Да, и байка есть: любил Толстой детей. Бывало, гладит-гладит по голове, пока обедать не позовут. Это я к тому, что за благотворительностью все привыкли видеть некий подтекст: налоги скрывают и все такое.

— Никогда. Ни одной копейки. Я даже был категорически против, чтобы об этом вообще кто-то знал. Пока одна ваша коллега во время кампании против Коб-

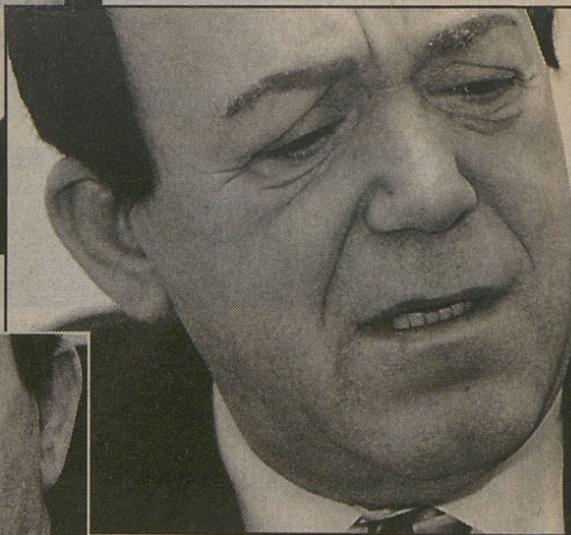
зона не поехала в Ясную Поляну, чтоб развенчать мои отношения с детским домом, компромат найти. Приехала, посмотрела, послушала. Татьяна Дмитриевна, мамка детского дома, потом мне призналась, как приятно ей было видеть слезы на глазах журналистки, которая сказала: "Мне стыдно".

— Как вы сами считаете — почему у вас репутация... нехорошая?

— Вы еще скажите, как обычно говорят: "Дыма без огня не бывает. Что-то ведь дало основание для грязи, да?" Разумеется, да: мои принципы жизненные, мои откровенные высказывания, мое отношение к Юрию Михайловичу Лужкову и его отношению ко мне. Все началось с 92-го года и продолжается как бы по генетической линии. Однажды в налоговой полиции России некий генерал, с уважением относясь к моему творчеству, показал мне бумагу с грифом "Совершенно секретно". Там писали о моем криминальном настроящем: что я держу сеть казино, публичных домов, являюсь наркокурьером, торгую оружием с африканскими странами, самолетами, алкогелем. Что хотели, то и написали. Вопрос вот в чем: если что-то подобное имеет место, почему не принимают меры? Неужели я такой крутой, что силовые структуры не могут применить ко мне меры воздействия или упрятать за решетку?

— Может, вы просто такой хитрый?

— Я хитрый? На каждого хитрого есть десять более хитрых. Был такой Николай Дмитриевич Ковалев, директор ФСБ, я к нему приходил и говорил: "Скажите, пожалуйста, у вас есть на меня что-то?" Он отвечал: "Я не могу с вами эту тему обсуждать". Тогда официально запрашивала Государственная дума. Получала ответ — нет. Но раз меня не пускают в Америку, почему никто не поинтересуется у американских коллег: "Послушайте, у нас ничего на этого типа нет. Но кол вы так резко обвиняете его, то уж поджелите информацией". Но ведь тоже ничего! Всех все устраивает.

НЕВОЛЬНИК

тельства. Ни президенту, ни правительству, ни администрации он не нужен. Если его примут — придется отвечать перед гражданами, защищать их права. Послушный и беззащитный народ гораздо удобнее. Сейчас любой представитель органов может войти в дом, положить на пол 20 человек, потоптать их кованными сапогами, а потом объяснить, что никто ни в чем не виноват. А люди уже покочены — и физически, и морально. Конечно, не все так печально. Есть у нас и Суворовские училища. И колледжи. Есть замечательное народное творчество, русская музыка. Хотя радио и телевидение, похоже, забыли об этом.

— Вы в машине музыку слушаете?

— Никогда. Не хочу даже слушать. То, что они передают, они называют словом "формат". А гордость и источник русской духовности — русская музыка, хорошая песня советская — по их мнению, "не формат".

— А ведь вы сами когда-то пытались вписаться в этот формат с помощью ди-джея Грива?

— Нет, не пытался. Мне важно вернуть людям песню. И мне все равно, в каком виде ее вернуть. Обидно, что прекрасные мелодии Таривердиева, Хренникова, Фрадкина забыты, их не слышно в эфире. Поэтому когда мой сын спросил: "Пап, а ты бы не хотел записать песню Таривердиева?" — я, конечно, согласился. И записал не только Таривердиева, а альбом из 16 песен. Хоть и сквозь ремикс, но мелодия все равно прорывается.

— Вы много сил отдаете чужим детям. А на своих-то хватает времени?

— Нет. Но у моих детей есть те возможности, которые я им создал. Плюс их мама, которая для них всегда была главной. И Андрей, и Наташа уже взрослые, у каждого уже свой бизнес и свои дети. У меня же четыре внуки! Но внуки еще такие несмышлениши, что не нуждаются в моей опеке и воспитании. Я пока с ними просто сюзюсюкаю. Вот когда подрастут, надеюсь, и я уже меньше занят буду — тогда и будем общаться.

— А вас интересовало то, что в свое время происходило на знаменитой квартире Андрея? Ходили слухи, что это — наркоманское место, где собирается "золотая молодежь"...

— Голову бы оторвал, если бы хоть что-то соответствовало вашим словам. Это исключено. Тем более что долгое время Андрей жил с нами. Потом, когда он повзрослел, мы его отделили, приобрели ему однокомнатную квартиру. У него всегда были товарищи, они собирались еще до его женитьбы по праздникам — обычное молодежное веселье, без эксцессов, в кругу близких друзей. Но вот уже восемь лет, как он женат, образ жизни изменился. Не было ничего подобного, правда. Мои дети — вечные жертвы разговоров об их отце. И Андрей, и Наташа.

— Номер вашей машины — 777 — вызывает стойкие ассоциации...

— Портвейн "Три семерки"? Может быть. Но это ведь номер федеральный, думский. Он принадлежал по распределению председателю Комитета по культуре Николаю Николаевичу Губенко. Но у него нет своей собственной машины, и он предложил этот номер мне. Я с удовольствием взял — мне нравится.

— Я-то имела в виду другие "три семерки" — те, что на "одноруких бандитах" в казино выпадают, если повезет.

(Дружный хохот водителя, охранника и самого Иосифа Давыдовича говорит о том, что я подкачала неплохую мысль. — Авт.)

— Нет. Хотя, наверное, тоже можно сравнить. Я, конечно, люблю играть в автоматы, но в данном случае это совпадение.

— Я уже супругу вашу спрашивала и вас спрошу: правда, что вы били Людмилу Гурченко во времена вашего брака?

— Не бил. Каким же должен быть мужчина, который бьет такую хрупкую женщину, как Гурченко? Другое дело, она единственная женщина, на которую я поднимал руку в своей жизни.

— "Бил" и "поднимал руку" — в чем разница?

— Ну, есть такое слово — пощечина. А как можно бить женщину? Не знаю. Мужчину можно бить, до армии я и сам был довольно драчлив. А теперь не считаю, что этот метод выяснения отношений — самый правильный.

— Вас, наверное, уже замурыжили вопросами про вашего друга Тайванчика. Но от них куда не деться.

— Неоднократно говорил и могу повторить снова: он замечательный человек. Я не люблю кликухи — Тайванчик, Япончик, Алик Тахтаунов, прекрасный товарищ, добрый, очень гостеприимный. Самым большим его преступлением была игра в карты — то, что называлось "катала". Когда он отмечал в Париже свое 50-летие, по составу участников ему мог позавидовать любой. На юбилей приехали известнейшие люди России: Зураб Церетели, Таир Салахов, Зайцев, Башмет, Юдашкин, Спиваков, Пугачева, Ирек Мухамедов, балетный солист. То есть элитная, интеллигентная публика, никого из криминалитета. Мы опять возвращаемся к отсутствию закона о защите чести и достоинства. Даже если гражданин России совершил преступление, почему его нужно судить в Италии, Швейцарии, Америке? У нас что, нет своего правосудия? Тем более что история явно надуманна. И президент Олимпийского комитета Тягачев, и все спортсмены с этим согласны: чужь собака. Но вот не захотел Алик возвращаться в Россию, как я его ни убеждал.

— Вы уговаривали его вернуться?

— Твердил постоянно: "Ты как у Петра Лещенко — "здесь под небом чужим я как гость нежеланный". Россия уже другая, Россия нормальная. Там можно заниматься бизнесом, общаться с друзьями". Но нет, он боялся России, хоть и был очень болел ностальгией. А теперь, наверное, его отравят в Соединенные Штаты, прилепят дополнительные обвинения, будут их доказывать, найдут провокаторов, которые все подтвердят. Ведь им нужно создать процесс не против Алика, а ради того, чтобы еще раз плюнуть в нашу сторону. Убедить весь мир, что Россия — это криминал, проституция, уголовники, наркоманы. Дискредитировать страну, ее творческую интеллигенцию. Они уже запретили Юдашкину въезд в связи с тем, что он общался с Тахтауновым. Инне Чуриковой тоже запретили. Думаю, что на очереди обидчившихся с Аликом Михалков-старший и младший. Они делают это безапелляционно, и им никто не мешает.

— Вы когда-то утверждали, что уходите со сцены, что больше не будет крупных выступлений. Похоже, юбилей заставил вас сделать исключение.

— Да, когда-то я сказал в зале "Россия", что даю прощальный концерт. Я не обещал замолчать на всю оставшуюся жизнь. Я, конечно, не лишил себя возможности и радости выступать на авторских вечерах, на телемарафонах, в акциях. Я имел в виду только свои сольные концерты. А почему я все-таки устраиваю вечер, я объясню: мне вообще не хотелось отмечать день рождения. Но когда мне сказали: "Мы хотим с вас начать цикл передач, посвященных песне, возродить песню!" — это единственное, что меня соблазнило. Я ответил: "Тогда я ваш раб". Не будет никакого пафоса, ни одного выступающего, никаких поздравлений. Просто будет ретроспектива моих песен — от самых первых до последних. Например, новая песня Тухманова мне очень нравится и очень точно определяет мое сегодняшнее отношение к государству, к жизни, к президенту и обществу. Там замечательный рефрен: "Душу — богу, сердце — даме, жизнь — государю, честь — никому".

Катя ПРЯНИК.